УДК 323.1.78

Е.А. Тюгашев, Ю.В. Попков
Новосибирск

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТЕОРИЯ НАЦИИ: К ИТОГАМ ОДНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2019.1.10>

Дан анализ взглядов П.А. Сорокина, а также А.С. Ахиезера и его последователей на феномен нации и вопросы национальной политики в России. Сделан вывод об идейном самоотрицании данной исследовательской программы. По итогам критической оценки ее результатов предложена реалистическая трактовка нации как межэтнического сообщества. В заключение сформулированы социокультурные принципы реализации государственной национальной политики на уровне локального межэтнического сообщества.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, социокультурный подход, этнос, нация, русская нация, национальная политика.

Tyugashev E.A., Popkov Yu.V. Sociocultural theory of a nation: the results of one research program

The article analyzes the views of P. A. Sorokin and A. S. Akhiezer and his followers on the phenomenon of a nation and issues of the national policy in Russia. The conclusion about the ideological self-denial of this research program is made. Based on the evaluation of its results, the realistic interpretation of a nation as an interethnic community is proposed. In conclusion, the sociocultural principles of implementation of the state national policy at the level of local interethnic community are formulated.

Key words: Pitirim Sorokin, sociocultural approach, ethnos, nation, Russian nation, national policy, ethnonational policy.

Творчество П.А. Сорокина находится у истоков исследовательской программы, влияние которой значительно сильнее, чем это можно предполагать по непосредственным ссылкам на ее основоположника. Маркером данной программы можно считать видение общества как социокультурной системы. В последней основным противоречием считается дуализм социального и культурного, причем культура понимается как совокупность ценностей (норм, символов, программ и т.п.), детерминирующая взаимодействия индивидов. Данную модель общества использовал Т. Парсонс, а вслед за ним она получила широкое распространение в зарубежной и отечественной социальной философии.

Одним из объектов исследования в рамках данной программы стал феномен нации. Отмечавшаяся нами ранее онтологическая противоречивость социокультурного [Попков, Тюгашев, 2014] обусловила, на наш взгляд, определенные неудачи в понимании нации как социокультурного феномена. Вместе с тем латентная логика социокультурного подхода, акцентирующая устойчивость культурного разнообра-

зия, позволила участникам этой программы сделать некоторые выводы, представляющие интерес не только с чисто научной точки зрения, но и для реальной практики реализации государственной национальной политики. Задачей данной статьи является анализ взглядов П.А. Сорокина, а также А.С. Ахиезера и его последователей на феномен нации и вопросы национальной политики в России.

В понимании феномена нации развитый П.А. Сорокиным социокультурный подход, исходящий из признания единства социального и культурного, неявно оппонировал утвердившимся к началу XX в. концепциям нации-государства и нации-культуры. Если первая концепция акцентировала социальное основание единства нации (через государственное объединение), то вторая концепция таким основанием считала культуру. Очевидно, что первая концепция не могла объяснить национальную специфику отдельного государства, а также его этническую неомогенность. Вторая концепция не могла объяснить возникновение разных наций в англосаксонском, латиноамериканском и арабском культурных мирах. Поэтому логичным представлялось видение нации не только как социального или культурного феномена, но и как более сложной социально-культурной – или социокультурной – системы.

П.А. Сорокин определял нацию как специфическую социокультурную группу (систему): «Нация является многосвязной (многофункциональной), солидарной, организованной, полузакрытой социокультурной группой, по крайней мере отчасти осознающей факт своего существования и единства. Эта группа состоит из индивидов, которые: 1) являются гражданами одного государства; 2) имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории этих индивидов и их предшественников; 3) занимают общую территорию, на которой живут они и жили их предки» [Сорокин, 1990, с.466]. Далее он пояснял: «Только тогда, когда группа индивидов принадлежит к одному государству, связана общим языком и территорией, – она действительно образует нацию. Нация является многосвязным социальным организмом, объединенным и цементированным государством, этническими и территориальными связями» [Сорокин, 1990, с.466].

В терминологии П.А. Сорокина нация есть кумулятивная сложная группа тройного состава, интегрирующая в себе устойчивое взаимодействие трех простых, первичных социальных групп (государственной, языковой и территориальной), подобно тому как сложные химические соединения интегрируют несколько химических элементов. Так, еще ранее он писал, что термином «национальность» чаще всего «покрываются кумулятивные, закрытые или близкие к ним, территориально+ языковые+ государственные или стремящиеся стать государственными группы» [Сорокин, 1993, с.356].

Уточним, что расовые и этнические группы П.А. Сорокин считал простыми, первичными. Народы и этнические группы ученый выделял по культурно-языковому признаку. В частности, он писал: «Аналогичным образом члены языковой (этнической) группы объединены в этническое целое общими интересами, ценностями, правами или этническими связями, отличающимися от связей внутри государства и происходящими от принадлежности к одной этнической группе с общим языком и культурными ценностями, выработанными и созданными их предшественниками, а также их совместной деятельностью и историческим опытом» [Сорокин, 1990, с.467].

Племя он идентифицировал как кумулятивную группу пятерного состава: «“Племя” является социальной группой, отличной от чисто этнических или этнико-территориальных образований. По моему определению, племя – это организованный

и солидарный агломерат двух или более “кланов”, члены которых объединены следующими связями: 1) территориальной близостью, часто совместным владением своим территориальным местопребыванием; 2) общим языком и культурой; 3) общей религией; 4) отдаленным, главным образом “искусственным”, родством; 5) рудиментарной политической связью, отличающейся от “семейной” и кровнородственной регуляции... Оно представляет собой многосвязную группу, из которой впоследствии, после ее распада, возникает многосвязная нация и цельносвязное государство» [Сорокин, 1990, с.470].

Очевидно, что столь сложная группа может распадаться на простые и кумулятивные группы различной сложности. Не обсуждая в целом предложенную П.А. Сорокиным классификацию, отметим, что в ней раса, племя, этнос, нация (и народ) относятся к различным по уровню сложности социокультурным группировкам.

Свое понимание нации как социального организма, объединенного государством, этническими (языковыми) и территориальными связями, П.А. Сорокин конкретизировал на примере русской нации. Отметим далее существенно значимые моменты его представлений по этому вопросу.

В ее составе он выделял три основные ветви русского народа – великороссов, украинцев и белорусов, а также ассимилированные (русифицированные) этнические группы [Сорокин, 1990, с.469]. П.А. Сорокин не отождествлял русский народ и русскую нацию, а также не исключал идентификацию великороссов, украинцев и белорусов как отдельных наций в составе сложной, федеративной нации. При этом признавал, что нации могут раскалывать многонациональные государства и создавать новые государства [Сорокин, 1990, с.469].

Анализ его характеристики русской нации дает основание для вывода о том, что языковое не тождественно этническому. В то же время П.А. Сорокин не всегда последователен. Так, с одной стороны, критерием принадлежности к этносу он считал общность языка. Соответственно нерусифицированные этнические и территориальные группы он не включал в состав русской нации. Но, с другой стороны, в состав русской нации он включал русифицированные этнические группы. Следовательно, в данном случае этничность он не отождествлял с языковой принадлежностью.

По мнению П.А. Сорокина, русская нация возникла в середине IX столетия с момента образования Киевского (или Варяжского) государства. В связи с этим он отмечал, что возраст наций колеблется от нескольких лет до 6 тысячелетий (Древний Египет) [Сорокин, 1990, с.473].

Констатируя исторические трансформации политической организации русской нации, мыслитель подчеркивал назначение данной организации – защита ценностей национальной идеациональной культуры [Сорокин, 1990, с.476, 483].

Оценивая предложенную П.А. Сорокиным концепцию нации, можно сделать ряд выводов, значимых с точки зрения реализации социокультурного подхода.

Во-первых, его концепцию нации следует признать действительно социокультурной, поскольку в динамике нации он акцентировал роль государственной (т.е. социальной) и этнической (совпадающей с языком) составляющих. Территориальная составляющая здесь имеет фоновый, нейтральный характер.

Во-вторых, в социокультурной динамике нации стабильной составляющей является этническая культура, тогда как ее политическая организация может трансформироваться вплоть до распада и последующей реинтеграции.

В-третьих, в то же время государственность рассматривается как фактор, консолидирующий и организующий нацию.

В-четвертых, нация может интерпретироваться как биполярное (бицентричное) единство, в связи с чем возможны полярные модели наций – социоцентричные (нации-государства) и этноцентричные (нации-культуры).

В-пятых, нация специфицируется по ее базовому этноязыковому массиву, хотя может интегрировать иные этноязыковые группы, в том числе в составе правящей элиты.

Жизнеспособность русской нации П.А. Сорокин объяснял следующими факторами: а) расово-этническим разнообразием ее состава и реализацией в национальной политике принципа «единство в многообразии» [Сорокин, 1990, с.479]; б) позитивной дискриминацией нерусского населения, которому предоставлялись привилегии, свободы и конституционные права, которыми не обладали сами русские [Сорокин, 1990, с.480].

Эти наблюдения П.А. Сорокина интересны, прежде всего, выделением особой модели национальной политики («единство в многообразии»), которая отлична как от политики национальной ассимиляции, исходящей из концепции нации-государства, так и политики мультикультурализма, исходящей из концепции нации-культуры. Принцип «единство в многообразии» корреспондирует социокультурной парадигме, рассматривающей общество как ансамбль культур [Попков, Тюгашев, 2013].

Впрочем, конкретное основание единства этнических групп в составе русской нации и российской государственности П.А. Сорокин не фиксировал. Обращаясь к метафоре «плавильного котла», он писал о США и России, что в них успешно создается единое общество из различных этнических элементов, «связанных воедино узами равенства и свободной солидарности» [Сорокин, 2018, с.268]. Но вместе с тем институциональным механизмом интеграции нерусских этнических групп в состав российского государства он считал позитивную дискриминацию, предоставление этим группам определенных льгот и привилегий. «Для того, чтобы расширяться, или даже чтобы выжить, Россия должна была создавать сильное централизованное правительство, и фактически все классы неизбежно лишались значительной доли своей свободы, что, в конечном итоге, означало крепостничество, – писал П.А. Сорокин. – Но эти жертвы сугубо русского населения включали в себя относительно мало лишений для местного населения колонизованных районов» [Сорокин, 2018, с.266].

По его мнению, именно на русских выпало сравнительно мало наград и привилегий и непропорционально много труда, бесправия и участия в военных действиях. По состоянию на 1944 г., отмечал он, «хотя представительство русской национальности в советской политической аристократии непропорционально низко, ее доля в вооруженных силах непропорционально высока, ибо Красная Армия в подавляющем своем большинстве является русской по национальному составу, и более 90% ее генералов (Шапошников, Жуков, Ватутин, Воронов, Тимошенко и т.д.) и других офицеров являются русскими» [Сорокин, 2018, с.271].

На наш взгляд, государственная национальная политика, следующая принципу «единство в многообразии», объективно представляется более реалистичной, чем ассимиляторство и мультикультурализм. Но механизм ее реализации через позитивную дискриминацию нерусских этнических групп в современных условиях с практической точки зрения является неприемлемым.

Во-первых, реализуемая в нынешней России модель правового государства предполагает все же равенство всех граждан. А это исключает предоставление преимуществ по этническому признаку.

Во-вторых, исчезла историческая необходимость в присоединении различных народов и сопутствующих этому присоединению лишений со стороны русских. Что касается настоящего времени, то идеациональная жертвенность русских маловероятна в силу стабилизации государственной границы, низкой рождаемости, распространения чувственной культуры и утилитаризма.

Итак, обеспечение «единства в многообразии» в государственной национальной политике России необходимо, но основание данного единства не ясно. Исторический опыт России показывает, что таким основанием была внешнеполитическая необходимость интеграции нерусских этнических групп, находящая продолжение в комплектовании правящей элиты по преимуществу представителями этих групп.

Данная необходимость объясняется некоторыми исследователями «слабой государствообразующей способностью русских». Так, например, констатируется: «Евреи вынуждены были в России стать диссидентами, революционерами, олигархами, а теперь вот и государственниками, потому что русские продолжают от этого воздерживаться» [Рабинович, 2005, с.705]. С точки зрения такой позиции, русская нация была несамодостаточной и русский народ вступал в межэтнические союзы с теми этническими группами, которые обеспечивали в необходимой степени ее политическую самоорганизацию.

Из интерпретации П.А. Сорокиным истории русской нации вытекает ее видение как межэтнического сообщества с основным массивом русского населения и сменяющейся гегемонией полиэтнических элит, каждая из которых является сменным основанием государственного единства русской нации. Возникает вопрос: почему русская нация интерпретируется как несамодостаточная?

Объяснение этого факта предложил А.С. Ахиезер, разработавший оригинальную концепцию социокультурной динамики России. Он, бесспорно, является последователем П.А. Сорокина. Но, в отличие от последнего, в качестве основных типов культуры выделял нравственные идеалы – соборный и либеральный. Динамика и соотношение этих идеалов определяют, на его взгляд, развитие любого общества в осевое время.

Причину наличия феномена «варягов», т.е. выдвижения в обществе в элитарный слой иностранцев и этнических меньшинств, А.С. Ахиезер видел в противоречии между преобладанием в русской культуре локализма и жизненной необходимостью решать проблемы «большого» общества [Ахиезер, 1998б, с.533–534]. По его оценке, в социальной организации славян господствовало локальное сообщество [Ахиезер, 1998а, с.81]. Соответственно, к управлению «большим», государственным обществом привлекались представители народов, способных к интеграции локальных культур и медиации между ними. Эти народы иногда называют «градообразующими» [Россман, 2013, с.28–29].

Известный российский этнолог А.В. Головнев также выделял локальные этнокультуры и противопоставлял им этнокультуры магистральные. Российскую государственность он оценивает как возникшую в результате синтеза славянской локальной культуры и трех магистральных культур – норманнской, татаро-монгольской, православно-византийской. Синтез славянской и норманнской культур А.В. Головнев описывает так: «Первоначально контакт славян и скандинавов был взаимодей-

ствием различных систем адаптации: славянская культура локальных ниш так же органично входила в норманнскую культуру больших пространств, как норманнская торговля и военный промысел дополняли комплекс жизнеобеспечения славян. Эти культуры усиливали друг друга: норманны разными средствами (торговлей, данью, грабежом) собирали “урожай” на славянских землях, а славяне пользовались услугами скандинавов в дальней торговле и военных кампаниях; норманны создавали колонии на славянских землях, а славяне заселяли новые пространства по прото-ренным скандинавами путям. В сочетании локальной (славянской) и магистральной (норманнской) деятельностных схем сформировалась обширная общность под названием Русь и родилась новая синтетическая норд-русская (верхнерусская, новгородская) культура» [Головнёв, 2009, с.421].

Таким образом, сложный этнический состав русской нации выглядит закономерно обусловленным. Ее самоорганизация в большом обществе обеспечивается ино-этничными медиаторами – представителями магистральных этнокультур.

Распад СССР и намечавшуюся суверенизацию субъектов Российской Федерации А.С. Ахиезер оценивает как торжество локализма. По его мнению, эти процессы вели не столько к самоопределению наций, сколько к торжеству племенной этничности. Да и российская нация в целом представляет, как он полагал, суперэтнос, а не нацию, т.к. последняя основана на ценностях достоинства личности (безотносительно к ее этнической принадлежности), либерализма, гражданского общества и правового государства.

Идею самоопределения наций на этнической основе он считал утопией, так как, с одной стороны, разные этнические группы живут совместно [Ахиезер, 1998а, с.740], а с другой стороны, эта идея «открывает возможность многократного дробления, распада общества, самих этнических групп по бесконечно тонким основаниям, которые изощренный ум мог бы вновь и вновь обнаруживать» [Ахиезер, 1994, с.122]. Отделение одной нации от другой неизбежно вызывает, на его взгляд, распри внутри этнической группы (например, между «северными» и «южными» жителями и т. п.).

Признавая сохранение во всех национальных государствах архаического этно-племенного субстрата и незавершенность процессов перехода к либеральной цивилизации, А.С. Ахиезер полагал, что актуальные повседневные проблемы должны решаться не радикально, а путем микромедиации на основе половинчатых, ограниченных решений, соответствующих промежуточному, переходному характеру современных полиэтничных национальных государств [Ахиезер, 1994, с.123].

С.Я. Матвеева, разделяющая подход А.С. Ахиезера, общий вектор национальной политики в России видела в формировании нации-государства, т.е. нации как гражданско-политической общности, основанной на общих культурных ценностях [Матвеева, 1996; Матвеева, 1997]. Россию и СССР она воспринимала не как нацию-государство, а как империю, в лучшем случае – как добуржуазную пред-, прото- или этнонацию (с доминированием культуры базового этноса).

Историческую оправданность империи С.Я. Матвеева объясняла необходимостью удовлетворения потребности во внешней безопасности путем замирения и интеграции окраин. Но к настоящему времени, на ее взгляд, имперская ориентация нереалистична в силу распространения у русского большинства утилитарных ценностей, стремления к обустройству частной жизни и нежелания жертвовать ею для государства.

Этнонационализм как ориентацию на создание государства на базе ведущего этноса С.Я. Матвеева признавала опасной ориентацией, т.к. она неизбежно порождает новые этнические миниимперии, утверждающие неравенство прав в пользу «титального» этноса. В современной демократической России, на ее взгляд, сохранение жизнеспособного общества предполагает развитие этнокультурного плюрализма с признанием равной значимости и поддержки культуры всех этнических групп, населяющих страну, что предотвратит этнонационализм в общегосударственном масштабе [Матвеева, 1997, с.60].

В целом либеральные концепции нации исследователями оцениваются справедливо критически как нерелексивные, противоречивые и адресованные для реализации геополитическим соперникам [Малинова, 2003]. На наш взгляд, эта оценка относима и к взглядам С.Я. Матвеевой.

Неправа С.Я. Матвеева, по нашему мнению, в следующих моментах:

- в отрицательной оценке как архаизма родоплеменной этничности, которая в условиях национальных катастроф в реальности выступает островком стабильности и условием элементарного выживания;

- в необъективном требовании признания в национальном государстве равной значимости и обеспечения равной поддержки культуры всех этнических групп, тогда как в действительности языки только немногих этнических групп, входящих в состав нации, признаются официальными и обязательными для изучения;

- в недооценке культуuroобразующего и, соответственно, нациеобразующего потенциала русского большинства, которое сформировало единую социокультурную общность – русский мир.

Применительно к России С.Я. Матвеева права в выборе целевого критерия государственной национальной политики – ее социальной ориентации, выражающейся в сохранении жизнеспособного общества. Права она и в признании принципа этнокультурного плюрализма (при верховенстве общенациональной культуры), реализация которого неизбежна и в национальных государствах.

Более объективен в оценке этничности И.Г. Яковенко, еще один сторонник социокультурной методологии А.С. Ахиезера. Перспективу национального развития он видит в распаде империй и образовании национальных государств на базе доминирующего этноса в естественных границах его местообитания. «На этот исходный этнокультурный костяк “навешиваются” народы и народности, вошедшие в государство в ходе исторического развития, мигранты, неустойчивые комбинации в разной степени модернизированных и традиционных слоев и страт», – пишет И.Г. Яковенко о формировании политической нации [Яковенко, 2004, с.66].

Нация, на его взгляд, жизнеспособна и привлекательна только тогда, когда обеспечивает эффективное воспроизводство культуры семейно-родовых общностей доминирующего этноса. Поддерживая свое культурное единство и этническое своеобразие, национальное государство должно проводить политику поддержки национальной культуры, государственной школы, в обязательном порядке обучающей общенациональному языку и формирующей национальную идентичность, а также регулировать иммиграцию и реализовывать программы культурной ассимиляции иммигрантов [Яковенко, 2008, с.182].

В отношении возможности конституирования собственной национальной государственности русского большинства И.Г. Яковенко высказывает сомнения, указы-

вая на то, что русская культура ассимилятивна. Русские прекрасно ассимилируют и ассимилируются, но именно поэтому выступают продуктом ассимиляции и не способны к устойчивой этнической самоорганизации. Они тяготеют, как полагает исследователь, к организующей их имперской государственности, вне которой они утрачивают свою культуру [Яковенко, 2008, с.140–148].

В соответствии с концепцией доминирующего (базового) для нации этноса И.Г. Яковенко констатирует, что «политическая нация должна иметь мощную этнокультурную привязку» [Яковенко, 2006, с.141]. Эта привязка обеспечивается, на его взгляд, традиционной мифосимволической системой доминирующей этнической группы или конструированием новой системы. Однако рост этнического самосознания нерусских народов и растущая иммиграция неславянских народов не позволит, как полагает он, сформировать в России искомую этнокультурную привязку на базе русского населения.

Пессимизм И.Г. Яковенко, по нашему мнению, не вполне оправдан.

Во-первых, русский этнос по-прежнему является базовым в Российской Федерации. Русский язык остается наиболее конкурентоспособным, тогда как уровень владения своими (национальными) языками у представителей нерусских народов снижается.

Во-вторых, наметилась тенденция к рекрутированию в органы власти представителей силового блока. И.Г. Яковенко подчеркивает, что «элита силового блока традиционно выступает носителем государственнической идеологии» [Яковенко, 2008, с.156]. А с учетом доминирования в этой элите русских и устоявшейся практики межрегиональной ротации кадров представляется возможным, что именно данная категория русского населения способна выступить носителем государствообразующей магистральной культуры.

В-третьих, необходимо отметить, что этнические мифосимволические системы способны интегрироваться. В современных условиях базой такой интеграции может служить стихийное миропонимание и культ природных объектов (Байкала, Алтая и пр.). Кроме того, подчеркнем интеркультурную взаимообусловленность в возрождении этнических мифосимволических систем в рамках практик этнокультурного неотрадиционализма [Мадюкова, 2018].

Еще одна сторонница социокультурной методологии А.С. Ахиезера Е.Н. Яркова останавливается на вопросах этнокультурной политики. Существующие модели этнокультурной политики – монолог (сегрегация, «плавильный котел») и полилог (мультикультурализм, ускоренное формирование наций в СССР) она оценивает как утопичные и деструктивные. Продуктивным типом этнокультурной политики является, на ее взгляд, диалог, в котором синтезируются идеи культурного разнообразия и культурного единства [Яркова, 2017, с.25]. Культурный синтез, по ее мнению, может быть выражен в «формировании межэтнических ценностей и смыслов» [Яркова, 2017, с.34] при сохранении самобытности этнокультур.

Примеры таких ценностей и смыслов автор, к сожалению, не приводит. Но действительно можно предположить существование как специфических ценностей в рамках, скажем, русско-узбекских, русско-азербайджанских и иных межэтнических отношений. В ее позиции также интересна оценка концепции нации-государства как утопической и деструктивной.

Подводя итоги рассмотренной ветви исследовательской программы, основоположником которой является П.А. Сорокин и которая получила дальнейшую разработку в трудах А.С. Ахиезера и других представителей его школы, можно заключить,

что к определяющим ценностям национальной политики они относят либеральные ценности – ценность личности, равенства, демократии, правового государства и т.д. Но реализацию этих ценностей в рамках моделей нации-государства и нации-культуры сторонники данной версии социокультурного подхода рассматривают в конечном счете как утопию. В результате все-таки они приходят к идее межэтнической культуры, т.е. культуры, возрождающей и актуализирующей этничность, которая прежде рассматривалась как архаика, противостоящая либеральной цивилизации.

Самоотрицание данной исследовательской программы позволяет обратить внимание на эвристичность рефлексивной интерпретации социокультурного подхода. С точки зрения этой интерпретации социальное существует в культурном разнообразии [Попков, Тюгашев, 2013] и, в частности, отдельный социальный организм (даже племя) есть сложное единство взаимодействующих этнокультур. Процесс национально-культурной ассимиляции никогда не может быть завершен из-за провинциальных различий и постоянно привносимого миграцией дополнительного этнического материала. Поэтому сохраняется возможность этнической фрагментации состоявшихся наций-государств.

С учетом реалистичного понимания нации как межэтнического сообщества в реализации государственной национальной политики на уровне локального межэтнического сообщества (региона, города, иного муниципального образования) представляется возможным учитывать следующие принципы.

Во-первых, это принцип «единства в многообразии», ориентирующий на использование этнокультурного разнообразия в интересах развития локального сообщества. Для успешной адаптации миграционных групп в межэтническом сообществе желательно предоставить им возможности для самореализации в решении социальных проблем и в то же время обеспечить сопровождение социальной адаптации в форме плотного, но не жесткого контроля со стороны органов власти и управления.

Во-вторых, это опора на этнодемографическое большинство, культура которого объективно является преобладающей в сообществе. Ключевые должности в органах власти и управления должны занимать представители этнодемографического большинства, которые наряду с выполнением этносимволической функции должны нести морально-политическую ответственность за развитие сообщества и благополучие всего его населения. В целях этносоциальной безопасности необходимо ограничивать практику выдвижения на эти должности представителей этнических меньшинств, т.к. на эти меньшинства в порядке психологической защиты может быть возложена ответственность за неудачи его представителей.

В-третьих, каждое организованное этническое меньшинство может решать задачи социокультурной медиации как внутри локального сообщества, так и вне его. Следует стимулировать образование и использование магистральных этнокультур (например, в форме включения местных национально-культурных автономий в федеральные), интегрирующих локальное сообщество в международное сообщество. Многообразие магистральных этнокультур позволит обеспечить глобальную устойчивость локального сообщества и вариативность в реализации национальной политики.

В-четвертых, следует изыскивать возможности этнокультурной интеграции локального сообщества на базе локальных мифосимволических систем (общие праздники и ритуалы, сезонные торжества, образование пантеона культурных героев, брэндирование получивших международную известность организаций, формирование культурных ландшафтов и др.).

В-пятых, это ориентация на решение актуальных межэтнических проблем путем микромедиации на основе паллиативных (половинчатых, промежуточных и ограниченных) решений, исходя из критериев взаимной пользы и интересов личности.

Как представляется, реализация данных принципов в практической деятельности может способствовать повышению эффективности реализации национальной политики на региональном и муниципальном уровнях за счет целостного видения соответственно региона и муниципалитета как межэтнического сообщества – рефлексивного, взаимозависимого для входящих в него этносоциальных субъектов феномена – и фокусировки внимания прежде всего не на частных, а на системных проблемах его текущего функционирования и перспективного развития.

Литература

- Ахиезер А. Культурные основы этнических конфликтов // *Общественные науки и современность*. 1994, № 4. – С.115–125.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998а. – 804 с.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. Т. II: Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998б. – 594 с.
- Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. – 496 с.
- Мадюкова С.А. Феномен иноэтнокультурного неотредиционализма // *Сибирский философский журнал*. 2018, Т. 16, № 1. – С.150–163.
- Малинова О.Ю. Либерализм и концепт нации // *Полис*. 2003, № 2. – С.96–111.
- Матвеева С.Я. Возможность нации-государства в России: попытка либеральной интерпретации // *Политические исследования*. 1996, № 1. – С.154–162.
- Матвеева С.Я. Национальные проблемы России: современные дискуссии // *Общественные науки и современность*. 1997, № 1. – С.52–62.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Общество и культура в социологии П.А. Сорокина (у истоков концептуализации социокультурного подхода) // *Наследие*. 2014, № 2 (5). – С.37–48.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Социокультурная парадигма в социальном знании // Винник Д.В., Попков Ю.В., Розов Н.С., Тюгашев Е.А., Целищев В.В., Шевченко А.А. Новые парадигмы социального знания. Новосибирск: Манускрипт-СИАМ, 2013. – С.193–250.
- Рабинович Я.И. Быть евреем в России: Спасибо Солженицыну. М.: Алгоритм, 2005. – 705 с.
- Росман В. Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 336 с.
- Сорокин П.А. Основные черты русской нации в XX столетии // *О России и русской философской культуре*. М.: Наука, 1990. – С.463–489.
- Сорокин П.А. Система социологии: [в 2 т.]. Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М.: Наука, 1993. – 688 с.
- Сорокин П.А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. – 640 с.
- Яковенко И.Г. Постсоветская Россия: логика разворачивания этнокультурных процессов в свете конца империи и глобализации // *Цивилизации*. Вып. 6: Россия в цивилизационной структуре евразийского континента / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Институт всеобщей истории, 2004. – С.65–95.
- Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 176 с.
- Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
- Яркова Е.Н. Миграция: типология этнокультурной политики // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2017, № 2. – С.25–35.